

Poznanskyy R. V. Manifestation of Action Intensity Grade Valence by Verbs of Semantic Field “Agricultural Production (Crop Production)”.

The analysis of action intensity grade valence by verbs of semantic field “agricultural production (crop production)”, which is realized in semantic positions “to perform an action a little or slightly (sometimes additionally)”, “to perform an action intensively, thoroughly, carefully” “to perform an action insufficiently (underdo)”, “to over perform an action”, is done in the article. The reasons which affect the manifestation of action intensity grade modifications within the analyzed semantic field are also explained.

Key words: *action intensity grade valence, derivative, semantic field, verb, semantic position.*

Таныш С.

**Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова**

**ТУРЦИЗМЫ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ПЛАСТ
ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

В статье определяется место и роль турецких заимствований в составе иноязычной лексики русского языка. Турцизмы характеризуются с позиций их происхождения и путей вхождения в язык-реципиент, а также с точки зрения их функционирования в лексической системе русского языка

Ключевые слова: *тюркизмы, турцизмы, язык-донор, язык-реципиент, генетический источник, исторический источник, экзотизм, архаизация.*

Пополнение иноязычной лексикой словарного состава любого языка – процесс закономерный, являющийся неотъемлемой составляющей его развития и протекающий под влиянием целого ряда взаимосвязанных и взаимодействующих факторов, зачастую экстралингвистических. Значительный пласт иноязычных заимствований в русском языке является результатом языковых контактов, имеющих разнонаправленный характер в отдельные периоды его существования.

Заимствованная лексика современного русского языка неоднородна по своему составу в отношении языка-источника: заимствования из латинского и греческого языков составляют большинство, многочисленны также немецкие, французские заимствования, англицизмы. Единичны заимствования из китайского, японского, польского, румынского и некоторых других языков. Считается, что заимствования из тюркских языков представлены достаточно большой группой лексических единиц, изучению которых уделяется значительное внимание в русской лингвистике. Ученые-тюркологи обращаются в своих работах преимущественно к историко-этимологическому аспекту изучения тюркизмов, к проблемам их функционирования в различных сферах, к тюркской ономастике,

терминологии, диалектологии (см. работы Н. А. Баскакова [1], Ю. Керами [4], Р. А. Юналеевой [8]).

До настоящего времени заимствованиям из турецкого языка не посвящалось отдельных исследований. Традиционно данные языковые единицы рассматриваются в общем ряду ориентализмов: заимствований из арабского, персидского и других тюркских языков. Более того, авторы как этимологических словарей, так и словарей иноязычных слов зачастую ограничиваются указанием на общетюркское происхождение слова, не выделяя, в частности, турецкий язык в качестве конкретного языка-источника или посредника при заимствовании. На такие особенности подачи тюркизмов в словаре М. Фасмера, например, указывает Р. А. Юналеева: “Для М. Фасмера достаточным является указание на общую тюркскую природу слова. Вопросы определения конкретного языка-источника или посредника находятся вне поля зрения. Не удивительно, что среди тюркизмов, представленных в Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера, единичны примеры со ссылкой на конкретный генетический этимон” [8, с. 11]. Подобным положением вещей продиктована целесообразность исследований, направленных на конкретизацию места и роли отдельных тюркских языков в процессе заимствования.

Необходимостью теоретического осмысления и обоснования языкового статуса турцизмов в современном русском языке обусловлена актуальность настоящей статьи. Впервые предпринята попытка систематизации и классификации заимствований из турецкого языка с целью комплексного описания данного языкового явления, в чем отражается научная новизна исследования.

Материалом для анализа послужили турецкие заимствования, извлеченные из современных словарей иноязычных слов Л. П. Крысина [6] и А. Н. Булыко [3]. С целью уточнения статуса отдельных анализируемых языковых единиц используются также данные некоторых других современных словарей русского языка [2; 8]. Выделенный нами материал показал, что турецкие заимствования представлены в русском языке незначительной в количественном отношении группой лексических единиц: около 150 слов и значений.

При анализе указанного материала с историко-хронологических позиций можно выделить несколько групп турцизмов с точки зрения их генетики и путей вхождения в язык-реципиент. Считаем целесообразным разграничение понятий “исторический источник” и “генетический источник”. Если под первым понимается язык, из которого заимствованное слово непосредственно вошло в принимающий язык, то второй – язык, в котором слово возникло изначально.

Для более 50% (около 80 единиц) выделенных нами слов и значений турецкий язык является как историческим, так и генетическим источником.

Лексеми *айва* (тур. *ayva*), *казан* (тур. *kazan*), *кирка* (тур. *kürek*), *кобза* (тур. *koruz*), *марафет* (тур. *marifet*), *мишень* (тур. *nişan*), *пай* (тур. *pay*), *табор* (тур. *tabur*), *шайка* (тур. *şayka*), *янычар* (тур. *yeniçeri*), *ятаган* (тур. *yatağan*) и др. заимствованы русским языком из турецкого при прямом, непосредственном языковом контакте.

Немалое количество слов пришло также в русский язык при турецком посредничестве. Нами обнаружено около 60 лексем, для которых турецкий язык является историческим, но не генетическим источником. Так, посредством турецкого языка в русский язык заимствованы преимущественно арабизмы, например: *мазут* (тур. *mazot* < араб. *makhzulat*), *мечеть* (тур. *mesçit* < араб. *mæsdzid*), *султан* (тур. *sultan* < араб. *sultān*), *тархун* (тур. *tarhun* < араб. *aṭ-ṭarhūn*), *фата* (тур. *futa* < араб. *fūta*), *фитиль* (тур. *fitil* < араб. *fatīl*), *фундук* (тур. *findik* < араб. *funduk*), *ханжа* (тур. *hadžy* < араб. *hağğ*), *хна* (тур. *kına* < араб. *hinnā*) и др., а также слова персидского происхождения, например: *баиштан* (тур. *bostan* < перс. *būstān*), *кафтан* (тур. *kaftan* < перс. *haftan*), *нефть* (тур. *neft* < перс. *naft*), *плов* (тур. *pilav* < перс. *pelāv*), *ферзь* (тур. *ferz* < перс. *ferz*), *хурма* (тур. *hurma* < перс. *hurma*), *чадра* (тур. *çadır* < перс. *çadār*) и др. Преобладание именно арабской и персидской лексики в качестве генетических этимонов объясняется объективными факторами из истории самого турецкого языка. Общеизвестно, что в течение последних нескольких веков турецкий язык подвергся существенному влиянию персидского и арабского языков, в связи с чем удельный вес заимствованных из этих языков слов достигал в турецком словаре временами 80 % всей лексики [1]. Тем не менее, мы обнаружили отдельные слова, генетическим источником которых является греческий язык, а в русский язык данные лексеммы заимствованы посредством турецкого: *изумруд* (тур. *zümürüt* < перс. *zumurrud* < греч. *smaragdos*), *ферязь* (тур. *feradce* < греч. *phoresia*).

Непосредственный характер русско-турецкого языкового контакта обуславливает тот факт, что лишь незначительное количество лексем турецкого происхождения заимствованы русским языком при посредничестве других (не тюркских) языков. Приведем некоторые примеры. Генетически турецкое слово *йогурт* пришло в русский язык через английский (анг. *yoghurt* < тур. *yoghurt*); посредством французского заимствованы омонимы *диван*¹ и *диван*² (фр. *divan* < тур. *divan*), а также термин *тюрки* (фр. *turc* < тур. *türk*); польский язык послужил посредником при заимствовании русским языком таких слов как *доломан* (польск. *doloman* < тур. *doloman*), *темляк* (польск. *temblak* < тур. *temlik*), *улан* (польск. *ulan* < тур. *oğlan*); через украинский язык пришли в русский генетически турецкие слова *гайдамак* (укр. *гайдамак* < тур. *haydatamak*) и *куркуль* (укр. *куркуль* < тур. *kürk*); немецкое или французское посредничество приписывается турецкому заимствованию *киоск* (нем. *Kiosk*, фр. *kiosque* < тур. *köşk*).

Иногда слова-мигранты проходят долгий путь от языка-донора к языку-реципиенту, побывав при этом в ряде языков-посредников и подвергшись влиянию каждого из них. Например, слова *тюльпан* и *тюрбан* восходят к турецкому *tülbend*, являющемуся, в свою очередь, заимствованием из персидского *dulbend*. В русский язык данные слова пришли при итальянском и французском посредничестве, получив различное фонологическое оформление под влиянием языков-посредников: *тюльпан* < фр. *tulipan* < ит. *tulipano* < тур. *tülbend* < перс. *dulbend*; *тюрбан* < фр. *turban* < тур. *tülbend* < перс. *dulbend*.

Особое место среди заимствованной лексики занимают онимы – слова, образованные от собственных имен. Турецкое происхождение лексемам подобного рода приписывается на основании косвенных экстралингвистических факторов. К собственным именам восходят турцизмы *батыр* (*Batır* – личное имя в турецком языке), *кемализм* (от имени турецкого реформатора *Мустафы Кемаля Ататюрка*) *османы* (от имени *Gazi Osman*, первого султана Османской империи).

Отдельно необходимо остановиться и на словах-гибридах, именуемых также полукальками. В структуре таких слов присутствуют компоненты заимствующего и заимствуемого языков, в связи с чем зачастую ставит вопрос о правомерности включения подобных единиц в разряд заимствований. Поскольку калькирование – явление, в целом не типичное для процесса заимствования из турецкого языка, считаем целесообразным только условно отнести к турцизмам отдельные обнаруженные нами случаи. Упомянутое выше заимствование *кемализм* могло быть образовано на русской почве суффиксальным способом с использованием продуктивного интернационального суффикса *-изм*. Аналогичной может быть и судьба слова *тюркизм*. Продуктивные словообразовательные модели русского языка с участием интернациональных морфем *-логия* (греч. *logos*) и *-ат* являются основанием квалифицировать как полукальки, а следовательно условно отнести к турцизмам лексемы *тюркология*, *султанат* и *танзимат*. Своеобразной арабско-турецкой полукалькой можно считать экзотизм *рахат-лукум*, состоящий из арабизма *rahat* и собственно турецкой лексемы *lokum*. Не исключено, что окончательная форма могла сформироваться уже на почве языка-реципиента.

Проанализировав турецкие заимствования с позиций их функционирования в активном словоупотреблении в русском языке, мы выявили, что свыше двух третей всех слов и значений находятся на периферии языковой системы. Общеупотребительная лексика составляет менее трети – 27%. В сфере активного употребления находятся лексемы *арбуз*, *диван*¹, *изумруд*, *йогурт*, *киоск*, *колпак*, *мишень*, *нефть*, *плов*, *тюльпан*, *фата*, *фундук*, *хурма*, *ярлык* и др.

На периферії мовної системи знаходиться узкоспеціальна лексика турецького походження, представлена в основному термінологією з області біології (*аир, бамия, мушмула, нут, тархун, чинар, шептала*) і геології (*кил, кир, лал*). В обмеженому використанні знаходиться розмовно-просторечна, народно-розмовна, стилістично знижена лексика, запозичена з турецької мови (*баши, баштан, башибузук², бугай, буза², кавун, кайф, куркуль², марафет, харчи*). Найчисленнішою групою на периферії мовної системи є турецькі запозичення-екзотизми. Відсоток екзотичної лексики становить майже половину (46%) всіх аналізованих одиниць. Традиційно екзотична лексика представлена назвами національних страв (*буза¹, бекмес, гювеч, долма, косхалва, рака, рахат-лукум, тулумба*), одягу (*тюрбан, феска, чадра*), музичних інструментів (*дудук, кавал, нагара, саз, тулумбас*), титулів і звань (*ага², вали, визирь, ефенди*), характерних для середовища мови-донора

Л. П. Крысин зауважує: “Екзотичні слова не тільки називають реалії, невідомі носіям запозиченої мови, – вони можуть нести в своїх значеннях вказівку на певні особливості культури даного народу, особливості його звичаїв, його менталітету. Використовуючись в іншій мові, таке слово, позначаючи відповідне поняття, як би транслірує частину іншої культури, адресуючи трансляцію людям, не являючись носіями цієї культури” [5, с. 107]. Наш матеріал в цілому підтверджує дане положення, тим не менше, нами виявлені окремі слова турецького походження, що називають реалії інших (в т.ч. не східних) народів: *кавал* “духовий музичний інструмент типу флейти, поширений в Болгарії, Югославії, Румунії”; *кобза* “старинний український щипковий музичний інструмент”. Можливо, більш детальне дослідження з залученням екстралінгвістичних факторів дозволить пояснити наявність серед турцизмів реалій іншої культури.

Висловлює на себе увагу тенденція до архаїзації лексики турецького походження. Особливо виділяється група історизмів-екзотизмів, представлених в основному застарілими назвами різних номенклатурних одиниць, наприклад: *ага¹, аскер, батыр¹, башибузук¹, делибаш¹, диван², казаскер, мудир, паша, пашалык, санджак, сераскер, тимар, чауш², янычар¹*. В ряд історизмів потрапляють також окремі слова і значення, не мають екзотичної семантики: *гайдамак, зурна (сурна), кафтан, куркуль, палаши, улан, ферязь, чикчиры*.

Представлена в цій статті коротка характеристика місця і ролі турцизмів в складі іноземної лексики російської мови показує, що процес запозичення з турецької мови в російську мову протікає при прямому, безпосередньому турецько-російському мовному контакті, внаслідок чого відзначається перевага серед турцизмів лексических одиниць, для яких турецька мова є історичним джерелом, а не мовою

зачастую генетическим источником. Большинство турцизмов находится на периферии языковой системы и представлено в основном экзотической лексикой, проявляющей тенденцию к архаизации. Тематическая классификация турецких заимствований позволяет выявить и охарактеризовать экстралингвистические предпосылки процесса заимствования, что является перспективой дальнейшего исследования турцизмов. Нуждается также в систематическом описании освоение заимствований из турецкого языка на разных уровнях языковой системы.

Л и т е р а т у р а :

1. *Баскаков Н. А.* Тюркские языки / Н. А. Баскаков ; изд. 3-е. – М. : URSS. ЛКИ, 2008. – 243 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
3. *Булыко А. Н.* Большой словарь иностранных слов : 35 тыс. слов / А. Н. Булыко ; изд. 2-е, испр. – М. : Мартин, 2007. – 703 с.
4. *Керами Ю.* Военно-административная лексика турецко-тюркского происхождения в русском языке : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю. Керами. – Бирск, 2004. – 223 с.
5. *Крысин Л. П.* Иноязычное слово как транслятор иной культуры / Л. П. Крысин // Глобализация – этнизация : этнокультурные и этноязыковые процессы / отв. ред. Г. П. Мещименко. – Т. 1. – М., 2006. – С. 106–113.
6. *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов : около 25000 сл. и словосоч.; 4-е изд., стереотип. / Л. П. Крысин. – М. : Рус. язык, 2002. – 856 с.
7. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : 13 560 слов / П. Я. Черных. – М. : Русский язык, 1999.
8. *Юналеева Р. А.* Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования) / Р. А. Юналеева. – Казань : Таглитат, 2000. – 172 с.

Таниш С. Турцизми як специфічний пласт іномовної лексики російської мови.

У статті визначається місце та роль турецьких запозичень у складі іномовної лексики російської мови. Турцизми характеризуються з позицій їх походження та шляхів входження в мову-реципієнт, а також з точки зору їх функціонування в лексичній системі російської мови.

Ключові слова: *тюркізми, турцизми, мова-донор, мова-реципієнт, генетичне джерело, історичне джерело, екзотизм, архаїзація.*

Tanish S. Turkish words loan as specific foreign vocabulary formation of the Russian language.

The article offers an overview of the place and role of the Turkish loanwords in foreign content of the Russian language. Turkish loanwords are characterized in terms of their origin and ways of inclusion in the recipient language, in terms of their functioning in the lexical system of the Russian language.

Key words: *Turkism, Turkish loan, language the donor, the recipient language, a genetic source, a historical source, exoticism, archaism.*